

все нѣтъ 139

ІЕРУСАЛИМЪ И СИНАЙ

ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ПУТЕШЕСТВІЯ НА ВОСТОКЪ

А. С. НОРОВА.

Подъ редакціею В. Н. ЖИТРОВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ Н. П. ПОЛИВАНОВА, А. А. ИЛЬИНА и К^о.
1878.

A. Norov

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ.

ІЕРУСАЛИМЪ И СИНАЙ.

ЗАПИСКИ ВТОРАГО ПУТЕШЕСТВІЯ НА ВОСТОКЪ

А. С. НОРОВА.

Abraam Serguevitch Norov.

подъ редакцію В. Н. ХИТРОВО.

Изданіе М. Ш. Поливанова, А. А. Шльма и К°.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Большой Подъяческой, д. № 39.

1878.

Asia 9218.61

Harvard College Library
University of Cambridge
Gift of the University of Cambridge
and the University of Cambridge
Press, 1902

**Печатано съ разрѣшеніа племянника Авраама Сергѣевича Норова, Дмитрія Дми-
триевича Норова.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Сентября 1878 г.

Имя Авраама Сергѣевича Норова, для большинства его современниковъ, тѣсно связано съ священными именами: Іерусалима, Іордана, Визелеема и Назарета. Невольно, при упоминовеніи о сихъ послѣднихъ, возстаетъ въ памяти, столь извѣстный его современникамъ, почтенный обликъ Авраама Сергѣевича, тепло и сердечно относившемуся, не смотря на свои сѣдины, ко всему хорошему, высокому и свѣтлому, одного изъ послѣднихъ представителей того поколѣнія, о которыхъ съ сожалѣніемъ приходится сказать, — они были. Разбирая причины этой связи, слѣдуетъ сознаться, что ихъ слѣдуетъ искать не въ новости предмета его изысканій, такъ какъ сочиненіе его появилось даже послѣ книги о томъ же предметѣ А. Н. Муравьева; ни въ особой учености, такъ какъ, отправляясь въ первое путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, онъ не былъ подготовленъ къ нему болѣе каждаго обыкновеннаго паломника; наконецъ, не въ блестящемъ изложеніи, ни въ великолѣпномъ изданіи лежитъ эта связь. Ее слѣдуетъ искать въ томъ религіозномъ чувствѣ, въ той безпредѣльной любви къ Святой землѣ, которая неразрывно жила въ немъ, наполняли всю его жизнь и инстинктивно чувствуются на каждой страницѣ его книги.

Мысль о путешествіи въ Святую землю и Египеть, о посѣщеніи священныхъ береговъ Іордана и Нила зародилась у Авраама Сергѣевича Норова, едва ли не въ первые годы его молодости. Лѣтомъ 1820 г. онъ, 25-ти лѣтній, тогда гвардейскій полковникъ, потерявшій ногу на поляхъ бородинскихъ, провелъ нѣсколько времени на мызѣ Шварценбекъ близъ Ревеля, одновременно съ барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ, который отмѣтилъ въ своихъ запискахъ подъ 17 іюлемъ того же года: «Полковникъ (Норовъ) сооб-

шилъ мнѣ планъ путешествія, которое онъ съ нѣсколькими молодыми людьми предполагалъ совершить прошлою зимою и которое не состоялось по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Начавъ Одессою, они хотѣли посѣтить Константинополь, Морею, Архипелагъ, затѣмъ Іерусалимъ, развалины Пальмиры, древній Тиръ, часть Египта и вернуться въ Россію черезъ Италію, Францію и Германію. Какъ жалко, что такой прекрасный планъ не осуществился. Чего бы не далъ я, чтобъ когда нибудь осуществить что-либо подобное, въ особенности въ обществѣ человѣка, похожаго на любезнаго Норова». *) Мысль о подобномъ путешествіи, въ особенности для того времени когда она была задумана, представляетъ явленіе совершенно новое. До 1812 г., то незначительное число русскихъ, переступавшихъ за границы своего отечества, составляли или поклонники направлявшіеся въ Святую землю, Синай и на Афонъ, или туристы ѣхавшіе на западъ, въ Европу, посмотреть тамошнюю жизнь. На сколько мнѣ кажется, планъ предполагаемаго путешествія Авраама Сергѣевича, не носитъ ни того, ни другаго характера; въ немъ выразились оба вліяющія тогда на него настроенія. Одно изъ нихъ была его любовь къ греческимъ и римскимъ классикамъ, творенія которыхъ онъ читалъ въ подлинникъ и которое влекло его въ Грецію, куда манили его, по собственному его выраженію, поэтическія мечты юности, глубоко запавшія въ его воображеніе. Другое, которымъ онъ платилъ дань общепринятому тогда духу современнаго общества, заключалось въ его любви и предпочтеніи отдаваемымъ имъ французской литературѣ.... «вечеромъ, мы долго съ нимъ разговаривали», пишетъ 14 іюня того же года графъ М. А. Корфъ въ своихъ вышеупомянутыхъ запискахъ; «онъ мнѣ кажется весьма образованнымъ и знающимъ человѣкомъ. Онъ прочиталъ и изучилъ русскихъ и французскихъ поэтовъ, и знакомъ также съ литературою нѣмецкою, а равно, какъ кажется, съ языкомъ и твореніями римскихъ классиковъ. Но

*) Le colonel m'a communiqué un plan que lui et plusieurs autres jeunes gens avaient projeté en commun pour l'hiver dernier, mais que différents obstacles imprevus ont fait échouer. Leur intention avait été de commencer par Odessa, pour aller voir Constantinople, la Morée et les îles de l'Archipel, puis de visiter Jerusalem, les ruines de Palmyre, l'antique Tyr et une partie de l'Égypte, enfin de revenir en Russie par l'Italie, la France et finalement l'Allemagne. Quel dommage, que ce beau plan n'est resté qu'un rêve et que n'aurai-je pas donné pour effectuer un jour quelque chose de semblable, surtout en compagnie de quelqu'un, qui ressemblait à l'aimable Noroff.

онъ предпочитаетъ, какъ многіе впрочемъ, французскій театръ, несравненнымъ драматическимъ твореніямъ Шиллера, Гете, Лессинга, Грильпарцера и др. Въ его глазахъ скучная Аталія, разсуждающій Тонкредъ и тяжелый Сидъ несравненно выше Маріи Стюартъ, Іоанны д'Аркъ, Эмилиі Галотти, Сафо и гордаго Геца фонъ-Берлихингена.... Нашъ разговоръ по этому предмету продолжался долго, но мы никакъ не могли сойтаться. *) Если мы затѣмъ вспомнимъ, какъ во времена первой имперіи вошли въ моду крестовые походы и средне-вѣковое рыцарство при своеобразномъ романтическомъ освѣщеніи; то я полагаю, болѣе чѣмъ возможнымъ, что первую мысль въ Авраамѣ Сергѣевичѣ къ путешествію на Востокъ и въ Грецію заронилъ бывшій тогда въ апогеѣ своей литературной славы—Шатобріанъ и въ особенности описаніе его путешествія изъ Парижа въ Іерусалимъ. Книга эта, забытая теперь только благодаря имени ея автора, пользовалась, именно около 20 годовъ нынѣшняго столѣтія, большою извѣстностью даже у насъ въ Россіи, гдѣ въ 1816 г. одновременно изда ны были два ея перевода.

Начавшіяся вслѣдъ затѣмъ: греческое возстаніе и замѣшательства въ Турціи, на долго отстранили осуществленіе завѣтной цѣли Авраама Сергѣевича. Хотя онъ въ 1821 и 1822 годахъ посѣтилъ Италію и большую часть Европы, но онъ умеръ не посѣтивъ Греціи и только черезъ 14 лѣтъ, послѣ приведеннаго выше разговора на мызѣ Шварценбекѣ, ему удалось въ первый разъ посѣтить Египетъ и Святую землю. Эти 14 лѣтъ не прошли безслѣдно для Авраама Сергѣевича. «Пройдя половину пути жизни», говоритъ онъ въ предисловіи къ описанію перваго своего путешествія въ Святую землю, «я узналъ, что значитъ быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ и былъ въ положеніи

*) dans la soirée, nous avons longuement causé avec lui. Il me semble un homme très éclairé et plein de connaissances. Ayant lu et étudié les poètes russes et français, il n'est également pas étranger à la littérature allemande et paraît connaître aussi la langue et les œuvres des classiques romains. Cependant il préfère de beaucoup, comme tant d'autres du reste, le théâtre français aux sublimes créations dramatiques de Schiller, de Goethe, de Lessing, de Grillparzer etc. La triste Athalie le raisonneur Tancréd, le Cid si lourd, tout cela est à ses yeux infiniment au-dessus de Marie Stuart, de Jeanne d'Arc, d'Emilie Galotti, de Sapho, du superbe Goetz de Berlichingen.... Notre discussion à ce sujet dura encore fort longtemps, mais nous ne pûmes jamais tomber d'accord.

человѣка, потерявшаго путь и бродящаго ощупью въ темнотѣ гѣса... Мысль о путешествіи въ Святую землю давно таилась во мнѣ, я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ; но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость—утѣшеніе лобызать слѣды Спасителя міра, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія. Прочитывая эти слова, которыя такъ вѣрно изображаютъ тогдашнее состояніе духа Авраама Сергѣевича, на чтѣ онъ самъ указываетъ въ описаніи второго своего путешествія на Востокъ, невольно приходится сознаться, что это не тотъ уже молодой артиллерійскій полковникъ, съ которымъ мы познакомились на мнѣ Шварценбекъ; байронизмъ 20-хъ годовъ наложилъ на него свою печать, но, платя такъ сказать наружно, дань современному настроенію общества, его задушевная черта—глубокая религіозность, незнавшая и недопускавшая никогда даже малѣйшаго сомнѣнія, выступаетъ на первый планъ. Не съ пытливымъ умомъ ученаго, не съ идеальными стремленіями поэта ѣдетъ уже Авраамъ Сергѣевичъ въ Святую землю, а съ вѣрующимъ сердцемъ православнаго паломника, съ искреннею теплою вѣрою въ Тому, кто для искупленія человѣчества не отступился отъ смерти—смерти же крестной.

Выѣхавъ въ Октябрѣ 1834 г. изъ Россіи, Авраамъ Сергѣевичъ, черезъ Вѣну и Триестъ прибылъ въ Египетъ, поднялся вверхъ по Нилу и едва ли не первымъ изъ русскихъ путешественниковъ добрался до вторыхъ Нильскихъ пороговъ. Вернувшись въ Каиръ, онъ нашелъ городъ этотъ пораженнымъ чумою, чтѣ помѣшало ему посѣтить тогда, какъ онъ предполагалъ, Синай. Приближалось время Свѣтлой недѣли и онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ. Если еще въ Египтѣ, наталкиваясь на чудные остатки царства Фараоновъ, въ немъ отзывался человѣкъ, полный классическихъ воспоминаній, то, развѣ вступивъ въ пустыню, отдѣляющую Египетъ отъ земли Обѣтованной, онъ точно забылъ всѣ эти воспоминанія. Въ сердцѣ, въ умѣ и я полагаю, даже въ чемоданѣ его, у него была одна книга—Бибія. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть первое изданіе его путешествія по Святой землѣ. Мы встрѣчаемся въ немъ только съ ссылками на тексты Священнаго писанія и тѣ малочисленныя, случайныя ссылки на творенія святыхъ отцевъ, древнихъ классиковъ или классиковъ Святой земли, какъ-то: Реланда и Кварезмія, едва ли не результатъ его позднѣйшихъ трудовъ, за время прошедшее отъ

его возвращенія въ Россію и до изданія въ 1828 г. его путешествія. Иностранная литература о Палестинѣ, не только ему современная, но даже древняя, была ему во время его перваго путешествія почти неизвѣстна, а съ русскими паломниками-писателями былъ онъ все незнакомъ.

Черезъ Газу и Рамлѣ достигъ Авраамъ Сергѣевичъ Іерусалима. Посѣтивъ Іорданъ, Хевронъ и Веѣиль, онъ обычнымъ путемъ поклонниковъ вернулся въ Яффу. Отсюда, черезъ Наблусъ и Самарію, посѣтилъ Назаретъ и западный берегъ Тиверіадскаго озера. Затѣмъ направился къ Кармилу и берегомъ моря до Бейрута, гдѣ покинулъ Святую землю. Посѣтивъ мимоходомъ Кипръ, Авраамъ Сергѣевичъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ высадиться на малоазійскій берегъ въ Атталіи и сухимъ путемъ проѣхалъ въ Смирну, посѣтивъ по дорогѣ города, упоминаемые въ Апокалипсисѣ. Изъ Смирны, берегомъ Троады, достигъ онъ Константинополя. Но годичное странствованіе не удовлетворило еще любознательности Авраама Сергѣевича; вмѣсто кратчайшаго пути на родину черезъ Одессу, онъ предпочелъ болѣе длинный и утомительный—черезъ Адрианополь, Софію, Нишъ, Сербію, Венгрію и Галицію.

Изданное имъ. по возвращеніи въ Россію, описаніе путешествія было встрѣчено съ рѣдкимъ у насъ сочувствіемъ. Причины этого вниманія, особенно болѣе образованныхъ классовъ общества, заключались въ особенномъ интересѣ къ восточнымъ дѣламъ, который, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, былъ возбужденъ во время появленія книги; въ извѣстномъ ученомъ лоскѣ, который былъ приданъ сочиненію и въ особенности, прежде всего, въ той теплотѣ чувствъ, которымъ проникнута вся книга. Въ обоихъ почти одновременно появившихся описаніяхъ Святой земли Андрея Николаевича Муравьева и Авраама Сергѣевича Норова выразились вполне сами составители ихъ. По силѣ и точности выраженій, по живописности описаній и по изяществу слога, безспорно, книга А. Н. Муравьева стоитъ выше книги Авраама Сергѣевича, но по образованности, по мягкому, такъ сказать вѣжливому слогу и по сердечности, конечно, послѣдній превосходитъ перваго.

Казалось, завѣтныя стремленія и многолѣтняя цѣль Авраама Сергѣевича были достигнуты: онъ видѣлъ Іерусалимъ, онъ лобызалъ гробъ Господень; но тутъ именно съ нимъ произошло то, что происходитъ съ большинствомъ посѣтившихъ Святую землю, съ какою бы

цѣлью ни было совершено ими это странствованіе: для ученыхъ ли изслѣдованій, для поклоненія ли Святымъ мѣстамъ или наконецъ, просто для прогулки. Только побывавъ въ ней, начинаешь ее дѣйствительно любить; только покинувъ ее, начинаешь чувствовать желаніе вновь вернуться и посѣтившій ее разъ, испытываетъ, если можно такъ выразиться, болѣзнь по Святой землѣ, какъ швейцарскіе уроженцы — болѣзнь по родинѣ. Общей участи не избѣгнулъ и Авраамъ Сергѣевичъ, съ возвращенія его въ 1835 г. въ Россію и до самой его смерти въ 1869 г., въ теченіе 34 лѣтъ, главнымъ мотивомъ его жизни становятся: Палестина, Іерусалимъ. Обстоятельства, жизнь, года разыгрываютъ свои варіаціи; но среди этихъ варіацій звучитъ постоянно неизмѣнно одинъ мотивъ, одна струна — это глубокое религиозное чувство, нашедшее олицетвореніе въ любви къ Святой землѣ, въ желаніи ее изучить, ее вновь посѣтить.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія Авраамъ Сергѣевичъ женился. На сколько былъ счастливъ этотъ бракъ, видно изъ того благоговѣйнаго воспоминанія къ памяти жены, которымъ дышетъ каждая страница настоящей книги. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ ~~Министромъ Народнаго Просвѣщенія~~. Время его министерства совпадаетъ съ временемъ восточной войны, когда едва ли представлялось возможнымъ сдѣлать многое для образованія. Конечно, здѣсь не мѣсто разбирать его заслуги, какъ государственнаго человѣка; насъ болѣе интересуетъ Авраамъ Сергѣевичъ какъ паломникъ-писатель, тѣмъ не менѣе, не можемъ пройти молчаніемъ одного знаменательнаго факта, характеризующаго отношеніе къ нему нашего ученаго сословія. Когда въ 1858 г. Авраамъ Сергѣевичъ покинулъ Министерство, всѣ члены Академіи Наукъ, въ нарочно назначенномъ для сего торжественномъ засѣданіи 4 апрѣля того же года, благодарили его за постоянное покровительство, которое онъ оказывалъ ученымъ предпріятіямъ Академіи, при чемъ академикъ И. И. Давыдовъ высказалъ отъ имени своихъ сотоварищей, между прочимъ, слѣдующее: «Но въ человѣкѣ для человѣка есть достоинство высшее всѣхъ талантовъ — это мягкое, теплымъ чувствомъ растворенное сердце. Вы и этимъ всечеловѣческимъ достоинствомъ снискали себѣ любовь высшаго ученаго сословія. Мы не забудемъ тѣхъ пріятныхъ вечеровъ, когда вы, среди близкихъ и родныхъ вашихъ, въ обществѣ первостепенныхъ сановниковъ, окружали себя академиками и профессорами. Какъ благодушный семьянинъ - хозяинъ, вы заставляли

всѣхъ забывать различіе общественнаго старѣйшинства; для васъ, въ вашемъ семействѣ, всѣ гости были равно дороги и любезны. Такое выраженіе чувствъ министру, оставившему свой постъ, не есть явленіе обыденное и всецѣло принадлежит не государственному мужу, а человѣку.

Но всѣ эти обстоятельства жизни, были для Авраама Сергѣевича, какъ мною было уже высказано выше, варіаціи на главную тему, а такою была его привязанность къ Святой землѣ. Тотчасъ послѣ возвращенія на родину въ 1835 г., Авраамъ Сергѣевичъ принимается за изученіе Святой земли, церковной исторіи и съ этою цѣлью начинаетъ собирать все, что было написано объ этомъ предметѣ; а кто зналъ его, знаетъ также, что собраніе книгъ для него не значило только постановку ихъ на полку. Вслѣдъ одно за другимъ издаетъ онъ: Путешествіе по Святой землѣ, по Египту и Нубіи и къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Изъ нихъ первое выдерживаетъ три изданія, а послѣднія два—каждое по два изданія. Каждое новое изданіе обогащалось новыми приложеніями, примѣчаніями и комментаріями—результатъ его занятій. Но не этимъ однимъ, такъ сказать, кабинетнымъ трудомъ знакомится онъ съ интересующимъ его предметомъ; онъ жаждетъ живаго слова, живаго общенія мыслей. Онъ вступаетъ въ переписку со всѣми іерархами Восточной церкви и ни одинъ изъ нихъ не посѣтилъ Петербурга, не испыталъ на себѣ его радушнаго гостепріимства. Извѣстный изслѣдователь Святой земли и Восточной церкви, г. Вильямсъ, ѣдетъ въ 1845 г. въ Россію, чтобъ въ нашихъ библіотекахъ, въ разговорѣ съ нашими іерархами, почерпнуть новыя свѣдѣнія объ интересующемъ его вопросѣ. Задержанный лѣтами въ Кронштадтѣ, первый привѣтъ на русской землѣ получаетъ онъ отъ Авраама Сергѣевича и переписка, начатая тогда, продолжается слишкомъ 20 лѣтъ. Тишендорфу необходимо для его изслѣдованій побывать на Востокѣ и вотъ опять цѣлая переписка, результатомъ которой является приобрѣтеніе Россіею знаменитаго Синайскаго кодекса. Но не одинъ Востокъ занимаетъ Авраама Сергѣевича исключительно, одинаково интересуется онъ всѣмъ, что касается до православія: всѣми тѣми, которые крестятся русскимъ крестомъ. Отсюда его переписка съ нынѣшнимъ митрополитомъ московскимъ Иннокентіемъ, тогдашнимъ епископомъ камчатскимъ, о результатахъ его миссіонерской дѣятельности на дальнемъ сѣверѣ, съ протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ о положеніи пра-

вославія у западныхъ славянъ и многими другими. Когда послѣ восточной войны, наше правительство обратило вниманіе на Палестину, образовало палестинскій комитетъ, стало собирать пожертвованія для улучшенія быта нашихъ поклонниковъ; конечно, Авраамъ Сергѣевичъ не могъ не откликнуться сочувственно къ этому благому дѣлу, такъ долго его интересующему. «Могу сказать», пишетъ онъ въ появившейся тогда его статьѣ: Нѣсколько милой старато-памяти ба, «положа руку на сердце, что едва ли прошелъ для меня одинъ день такъ, чтобы память о Святой землѣ не была мнѣ приною».

Одною изъ причинъ, побудившихъ Авраама Сергѣевича просить увольненія онъ занимаемаго имъ мѣста Министра Народнаго Просвѣщенія, было безпокойство о здоровьѣ любимой имъ жены. Опасенія его, къ несчастію, оправдались и въ 1860 г. онъ потерялъ ее. Трое дѣтей его умерли въ малолѣтствѣ. Такимъ образомъ, для Авраама Сергѣевича совпали почти вмѣстѣ—конецъ его служебной дѣятельности и конецъ его семейной жизни. Какъ 25 лѣтъ назадъ, стоялъ онъ опять одинъ на пути жизни; но ни прежнихъ надеждъ, ни прежнихъ желаній благъ земныхъ для него болѣе не существовало. Одно только привязывало его къ землѣ, это—желаніе еще разъ поклониться живоносному гробу Господню, еще разъ насладиться съ Елеонской горы величественно-грустною панорамой Іерусалима. Это послѣднее желаніе старца, позончившаго свои расчеты съ жизнью, ему удалось исполнить въ 1861 году.

Въ это второе путешествіе, описаніе котораго составляетъ предметъ настоящей книги, Авраамъ Сергѣевичъ посѣтитъ только Іерусалимъ съ его ближайшими окрестностями и черезъ Египетъ—Синай, который ему не удалось посѣтить въ первое свое путешествіе.

Прощаясь съ Святою землею, «онъ чувствовалъ», по собственному его выраженію, «какъ что-то оторвалось отъ сердца». И онъ былъ правъ; у 66-ти лѣтняго одиноваго старца, порвалась послѣдняя нить, привязывавшая его къ землѣ; послѣднее желаніе его было удовлетворено и убѣжденный, что въ третій разъ ему не удастся посѣтить земной Іерусалимъ, онъ обратилъ всѣ свои помыслы къ Іерусалиму небесному.

По возвращеніи въ Россію, Авраамъ Сергѣевичъ принялся, такъ сказать, за ликвидацію своихъ житейскихъ дѣлъ. Первою заботою его было обезпеченіе будущности его библиотекъ, составившей его любимое дѣтище. Правительство купило ее для Румянцевскаго музея

въ Москвѣ, предоставивъ Аврааму Сергѣевичу передать ее ~~только~~ послѣ его смерти. *) Успокоенный на счетъ будущности своей библиотеки, Авраамъ Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на изданіе древнихъ нашихъ паломниковъ - писателей, начавъ со старѣйшаго изъ нихъ — игумена Даниила. Еще въ 1858 г., при 3-мъ изданіи ~~перваго~~ своего путешествія, Авраамъ Сергѣевичъ приложилъ къ нему свои замѣчанія на ходженіе Даниила. Во время втораго своего путешествія, онъ обращалъ преимущественно свое вниманіе на соглашеніе разсказа Даниила съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, путешествіе игумена Даниила было издано Археографическою коммиссіею подъ его редакціею и снабжено имъ многими весьма драгоценными примѣчаніями. Еще большую научную пользу слѣдуетъ приписать изданному почти одновременно Авраамомъ Сергѣевичемъ французскому переводу Даниила, чѣмъ была дана возможность европейскимъ ученымъ познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ русской письменности о Святой землѣ временъ крестоносцевъ. Это же путешествіе было издано Авраамомъ Сергѣевичемъ и на греческомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ приступилъ онъ къ изданію ~~Новаго завета~~ на греческомъ и славянскомъ языкахъ и каталога своей библиотеки, котораго онъ успѣлъ издать, однакоже, только первую часть, заключающую въ себѣ 1941 названіе.

Но среди всѣхъ этихъ занятій послѣднихъ семи лѣтъ его жизни, онъ постоянно трудился надъ описаніемъ своего втораго путешествія. Хотя изъ помѣтокъ на черновой рукописи видно, что она была начата еще въ Іерусалимѣ 14 ноября 1861 г. и окончена здѣсь 19 марта 1867 года, но въ дѣйствительности, рукопись никогда не была окончена; до послѣдней минуты своей жизни Авраамъ Сергѣевичъ ее дополнялъ, исправлялъ и дѣлалъ отмѣтки.

Описаніе втораго путешествія Авраама Сергѣевича въ Іерусалимъ и на Синай составляетъ необходимое дополненіе къ описанію перваго путешествія. Оно заключаетъ въ себѣ относительно Святой земли только изложеніе пути отъ Яффы до Іерусалима и въ этомъ послѣднемъ, а равно въ ближайшихъ его окрестностяхъ, то, что не вошло, по той или другой причинѣ, въ первое описаніе; затѣмъ изло-

[*) Съ приобрѣтеніемъ въ прошломъ году Императорскою публичною бібліотекою книгъ покойнаго Т. Тоблера, можно сказать, что у насъ въ Россіи сосредоточено теперь богатѣйшее собраніе всего, напечатаннаго о Святой землѣ.